

Съ намѣреніемъ или нечаянно, но художникъ помѣстилъ на стѣнѣ изображенной имъ комнаты весьма ясно нарисованный портретъ Шевченка. Намека этого, въ связи съ полу-арестантской одеждой пришельца, было достаточно. Комментарій составилъ и распространился, картина получила опредѣленную окраску. Итакъ, покамѣстъ идетъ рѣчь только о комментаріяхъ зрителей; допускается даже предположеніе, что портретъ Шевченки попалъ въ картину *нечаянно*, т.-е. безъ опредѣленной задней мысли. „Въ то же мгновеніе—читаемъ мы дальше—исчезло *художественное* произведеніе, и на мѣсто его стала та непріятная гримаса, которая всегда является результатомъ художественной и всяческой фальши... Рядомъ съ техническимъ мастерствомъ, какое ребяческое, фельетонно-самодовольное отношеніе къ искусству, какое недостойное зрѣлаго художника отсутствіе зрѣлой мысли“! Г. Рѣпинъ является, такимъ образомъ, отвѣтственнымъ за чей-то комментарий; чужая мысль, какимъ-то волшебствомъ, становится его собственною мыслью. Объясненіе такому скачку можно найти только въ мономаніи, характеризованной нами выше. Мы понимаемъ, хотя и не раздѣляемъ, тотъ взглядъ, для котораго тенденція—могила вдохновенія; сознательное и намѣренное творчество—нѣчто несовмѣстное съ истиннымъ искусствомъ; но мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ достоинство картины можетъ зависѣть отъ способа пониманія ея тою или другою частью публики, какимъ образомъ художественное произведеніе можетъ превратиться въ „гримасу“, вслѣдствіе одного только толкованія его въ тенденціозномъ смыслѣ. Какою картина вышла изъ рукъ художника, такою она и остается, что бы о ней ни говорилось. Нельзя же допустить, чтобы до появленія „комментарія“ она имѣла одну цѣнность, а послѣ появленія—другую; это значило бы отдавать судьбу картины на волю случая, дѣлать ее жертвой первой досужей выдумки, мало заботящейся не только о правдѣ, но даже о правдоподобіи. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, опредѣлять основную мысль картины портретомъ, висящимъ на стѣнѣ комнаты, да еще въ добавокъ портретомъ такого лица, какъ Шевченко? Неужели его можно найти только или преимущественно у людей „политически неблагонадежныхъ“? Гораздо болѣе данныхъ для предположенія, что обладатель портрета—уроженецъ Украйны, хотя, впрочемъ, поклонниковъ Шевченки много не между одними малороссами. Полу-арестантская одежда пришельца не усиливаетъ ни на одну іоту догадку о прикосновенности его къ политическому дѣлу; политическіе арестанты одѣваются не иначе, чѣмъ другіе. Болѣе празднаго, болѣе ненужнаго „комментарія“ нельзя, такимъ образомъ, себѣ и представить. Центръ тяжести картины лежить вовсе не въ томъ, за что нежданный гость былъ разлученъ съ